

Андрей Колосов — эпизод 9 из 12

Я чувство-кал, что пришел не в пору, но делать было нечего; без всяких предисловий вручил я Андрею записку Вари.

Что было, то не будет вновь.

Придя домой, я был как в лихорадке.

Я исполнил свой долг, думал я, победил собственное самолюбие; я советовал Андрею сойтись вновь с Варей!!. Теперь я прав: честь предложена, от убытков бог избавил. Между тем равнодушие Андрея оскорбляло меня. Он не ревновал ко мне, он велел мне утешать ее... Да разве Варя уж такая обыкновенная девушка?.. разве она не стоит даже сожаленья?.. Найдутся люди, которые сумеют оценить то, чем вы пренебрегаете, Андрей Николаич!.. Но что пользы?.. Ведь она меня не любит... Да, она меня не любит теперь, пока она еще не совсем потеряла надежду на возвращение Колосова... Но потом... кто знает? моя преданность ее тронет, я откажусь от всяких притязаний... я отдам ей всего себя, безвозвратно... Варя! неужели ж ты меня не полюбишь... никогда?.. никогда?..

Вот какие речи произносил ваш покорнейший слуга в столичном граде Москве, лета тысяща восемьсот тридцать третьего, в доме своего почтенного наставника. Я плакал... я замирал... Погода была скверная... мелкий дождь с упорным, тонким скрипом струился по стеклам; влажные, темно-серые тучи недвижно висели над городом. Я наскоро пообедал, не отвечал на заботливые расспросы доброй немки, которая сама расхныкалась при виде моих красных, опухших глаз (немки известное дело всегда рады поплакать); обошелся весьма немилостиво с наставником... и тотчас после обеда отправился к Ивану Семенычу... Согнувшись в три погибели на тряских калиберных дрожках, я сам себя спрашивал: что? рассказать ли Вале всё как есть, или продолжать лукавить и понемногу отучать ее от Андрея?.. Я доехал до Ивана Семеныча и не знал, на что решиться... Я застал всё семейство в зале. Увидев меня, Варя страшно побледнела, но не тронулась с места; Сидоренко заговорил со мной как-то особенно насмешливо... Я отвечал ему как мог, изредка поглядывая на Варю... и почти бессознательно придал своему лицу уныло-задумчивое выражение. Поручик опять составил вистик. Варя села подле окошка и не шевелилась. Чай, тебе теперь скучно? раз двадцать спросил ее Иван Семеныч. Наконец, мне удалось улучшить удобное мгновенье. Вы опять одни, шепнула мне Варя. Один, отвечал я мрачно, и, вероятно, надолго. Она быстро понурила голову. Отдали вы ему мое письмо? проговорила она едва слышным голосом. Отдал. Ну?.. Она задыхалась. Я взглянул на нее... Злая радость внезапно

вспыхнула во мне. Он велел вам сказать, произнес я с расстановкою, что было, то не будет вновь... Варя схватилась левой рукой за сердце, протянула правую вперед, покачнулась вся и проворно вышла из комнаты. Я хотел догнать ее... Иван Семеныч остановил меня. Я остался еще часа два у него, но Варя не появлялась. На возвратном пути мне стало совестно... совестно перед Варей, перед Андреем, перед самим собою; хотя, говорят, лучше разом отсечь страдающий член, чем долго томить больного, но кто ж мне дал право так безжалостно поразить сердце бедной девушки?.. Я долго не мог заснуть... но заснул же, наконец. Вообще я должен повторить, что любовь ни разу не лишала меня сна.

Я начал ездить к Ивану Семенычу довольно часто; мы виделись по-прежнему с Колосовым, но ни я, ни он не упоминали о Варе. Мои отношения к ней были довольно странного рода. Она привязалась ко мне тою привязанностью, которая исключает всякую возможность любви; она не могла не заметить моего горячего участия и охотно со мной говорила... о чем бы вы думали? о Колосове, об одном Колосове! Этот человек до того завладел ею, что она как будто не принадлежала самой себе. Я тщетно старался возбудить ее гордость... она или молчала, или говорила, и как! болтала о Колосове. Я тогда и не подозревал, что горе такого рода, болтливое горе, в сущности гораздо истиннее всех молчаливых страданий. Признаюсь, я пережил много горьких мгновений в то время. Я чувствовал, что не в состоянии заменить Колосова; я чувствовал, что прошедшее Вари так полно, так прекрасно... а настоящее так бедно... Я дошел до того, что невольно вздрагивал при словах: Помните ли..., которыми почти каждая речь ее начиналась. Она немного похудела в первые дни нашего знакомства... но потом опять поправилась и даже повеселела; ее тогда можно было сравнить с раненой, не совсем еще выздоровевшей птичкой. Между тем мое положение становилось невыносимым; самые низкие страсти понемногу завладели душой моей; мне случалось клеветать на Колосова в присутствии Вари. Я решился прекратить такие неестественные отношения. Но как? Расстаться с Варей я не мог... Объявить ей свою любовь я не смел; я чувствовал, что не могу пока надеяться на взаимность. Жениться на ней... Эта мысль меня испугала; мне было всего восемнадцать лет; мне стало страшно так рано закабалить всю свою будущность; я вспомнил отца, мне слышались насмешки товарищей, Колосова... Но, говорят, всякая мысль подобна тесту: стоит помять ее хорошенько всё из нее сделаешь. Я начал по целым дням думать о женитьбе... Я воображал себе, какой благодарностью преисполнится сердце Вари, когда я, товарищ и поверенный Колосова, предложу ей свою руку, зная, что она безнадежно любит другого. Люди опытные, помнится, говаривали мне, что брак по любви совершенная нелепость; я начал фантазировать: воображал себе наше тихое житье вдвоем, где-нибудь в теплом

уголке южной России; мысленно следил за постепенным переходом сердца Вари от благодарности к дружбе, от дружбы к любви... Я давал себе слово тотчас же оставить Москву, университет, забыть всё и всех. Я начал избегать свиданий с Колосовым.